

МАЙЯ БЭНКС

ЮНАЯ

ЖЕНА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б97

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Maya Banks

NEVER SEDUCE A SCOT

Перевод с английского *Е.В. Моисеевой*

Компьютерный дизайн *С.П. Озеровой*

Печатается с разрешения издательства Ballantine Books,
an imprint of The Random House Publishing Group,
a division of Random House, Inc.
и литературного агентства Nova Littera SIA.

Бэнкс, Майя.

Б97 Юная жена : [роман] / Майя Бэнкс ; [пер. с англ. Е. В. Моисеевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 352 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-093909-1

Юная Эвелин Армстронг не ждет чудес и покорно идет под венец с мужчиной, которого выбрал для нее отец, — мужественным и суровым Грэмом Монтгомери.

От нее требуется быть хозяйкой в замке супруга и родить ему наследников — о счастье же речь не идет...

Однако под внешней суровостью Грэма таится доброта и жажда любви. И бесхитростная красавица молчунья с солнечными волосами и сияющей улыбкой пробуждает в нем не только страстное желание, но и нежность, стремление защитить ее и сделать счастливой...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-093909-1

© Maya Banks, 2011
© Перевод. Е.В. Моисеева, 2013
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2015

Пролог

Мир пришел в горы. Земля издавала ласковые звуки благодарности за краткие мгновения отдыха от злобы, насилия, кровопролития. Снега исчезли. Тепло долгих дней прогнало их прочь. Наступила весна. Пышные травы зазеленели между скальными выходами и огромными валунами, преобладающими в здешнем ландшафте.

Все было прекрасно. Теперь король Александр II мог бы сосредоточиться на других проблемах, если бы не одно очень важное дело.

Его самые могущественные союзники, два мощных клана, на дух не переносили друг друга. Монтгомери и Армстронги пребывали в состоянии войны, и это была не просто наследственная вражда. Однако король не имел ни времени, ни желания терять из-за междоусобицы столь ценных приверженцев. Сейчас, когда сошли снега и ночи сделались короче, борьба возобновится и опять будут гибнуть воины.

Вот почему король решил действовать и разработал план ненасильственного примирения злейших врагов.

Однажды утром, когда солнце еще не успело подняться над горизонтом, он послал двух всадников, которые должны были сообщить королевскую волю лэрду Армстронгу и лэрду Монтгомери.

И, черт возьми, он надеется, что они не поубивают друг друга на свадьбе.

Глава 1

— Что за бред?! — воскликнул Боуэн Монтгомери. — Он не может связать тебя с этой маленькой дурочкой, дочерью нашего злейшего врага!

Грэм Монтгомери мрачно посмотрел на брата, не в состоянии выразить словами ярость, бушевавшую в груди. Посланец короля уже отбыл и даже пересек границы владений Монтгомери. Грэм позаботился об этом. Он считал, что король предал его, и больше не желал видеть в своих пределах ни одного представителя короля.

— Да она совсем дитя, — с отвращением сказал Боуэн. — И к тому же она... да всем известно, что у нее не все дома. Черт подери, что тебе с ней делать?

Грэм поднял руку, призывая брата к молчанию. Его пальцы дрожали от гнева. Повернувшись, он зашагал прочь от Боуэна. Чтобы он мог осознать ущерб, нанесенный ему и всему клану, требовалось уединение.

Король, пытаясь прекратить вражду между двумя соперничающими кланами, не просто издал указ о бракосочетании. Он весьма эффективно покончил с надеждой Грэма передать власть своим наследникам. Потому что в таком случае наследников не будет.

У него не будет сына, который мог бы унаследовать титул лэрда, и одному из его братьев — Боуэну или Тигу — придется взять на себя эту обязанность и обеспечить роду наследника, чтобы имя Монтгоме-

ри не исчезло навеки. Клан вообще может решить, что лэрдом должен стать один из его братьев, ибо сам Грэм получит жену, которая не сможет занять подобающее место в клане и у него не будет наследника.

Проклятие! Как мог его сеньор так поступить? Ведь он отлично понимал, на какое будущее обрекает Грэма.

По узкому коридору он прошел из главного зала в маленькую приемную. В комнате было темно. Окна еще были завешены шкурами. Грэм не стал их отдергивать, а зажег свечу от одного из светильников на стене коридора. Толку от свечи было не много, но Грэм без труда прошел к прочному столу, за которым не одну ночь просидел его отец, скрипя пером в учетной книге. Старый лэрд был скуповат и точен до мелочей. Он учитывал всякую ценность, принадлежащую клану. Но сердце у него огромное — величиной с гору, — он был справедлив и следил, чтобы у каждого имелось все необходимое. Все были одеты и накормлены, даже если ему самому доставалась меньшая доля. Не проходило дня, чтобы Грэм не вспоминал о нем с тоской.

Тяжело опустившись в кресло с изогнутой спинкой, Грэм пробежался пальцами по истертому дереву подлокотников, и ему показалось, что дух отца здесь, с ним.

Свадьба. С одной из клана Армстронгов. Это немислимо! А тут еще Боуэн со своей болтовней о том, что девчонка полоумная. Грэм никогда не задумывался над слухами, что она с чудинкой. Это его не касалось. До нынешнего дня. Все знали, что девушка не такая, как все, и что Армстронги стоят за нее горой.

Она даже была помолвлена с одним щенком из клана Макхью. Вождь клана Тэвис Макхью заключил союз с Армстронгами, потому что с ними он становился силой, с которой приходилось считаться. Сами Монтомери никогда не ладили с Макхью. Те, безусловно,

имели отношение к смерти отца Грэма, однако Грэм знал, кто несет за нее непосредственную ответственность. Именно Армстронги заслуживали его ненависти.

Он не сожалел, что помолвка расстроилась и семьи не оказались связаны формальными узами родства. Армстронги не спешили устанавливать контакты с соседними кланами, им это было ни к чему. Они сами представляли собой такую силу, что могли бы одержать победу в любой битве, если бы только против них не выступали сообща объединившиеся войска других кланов.

Тэвис Армстронг оказался точно таким же, каким был его отец: не полагался на договоры и обещания, никому не давал возможности предать его и благополучие клана держал в собственных руках.

Не будь они злейшими врагами, Грэм, пожалуй, мог бы уважать решимость, с которой Тэвис управлял кланом, и его принцип — никогда не рассчитывать на чужую поддержку.

Когда помолвка между дочерью Армстронгов и сыном Макхью расстроилась, причин этого никто не называл; правда, шептались, что у девицы не все в порядке с головой. Армстронги были не слишком общительны и предпочитали держаться особняком, а потому об их единственной дочери было мало что известно.

Нет, Грэм не сожалел, когда та свадьба не состоялась. Он отлично знал, что Макхью использует родство с Армстронгами против его, Монтгомери, клана. Макхью хотел получить больше земли и больше власти, а владения Монтгомери были ему как кость в горле, потому что запирали его на севере.

И что теперь делать, если Грэму навязывают женщину, о которой он почти ничего не знает? Мало того

что она сумасшедшая и не может исполнять обязанности жены, так она еще из враждебного клана! Да будь она самой лучшей женщиной в горах Шотландии, Грэм не захотел бы иметь с ней дело!

Нет, если он решит жениться, то выберет невесту из собственного клана. Он никогда не возьмет женщину, союз с которой приведет к раздорам, вражде, опасности для его клана. А в случае с Эвелин Армстронг будет именно так.

— Грэм? — тихонько донеслось от двери.

На сердце у Грэма потеплело. В приоткрывшуюся щелью обеспокоенно заглянула его сестра Рори.

— В чем дело, милая? — спросил Грэм, жестом приглашая ее войти.

Рори исполнилось пятнадцать лет, но внешне она очень отставала от своих сверстниц, большинство из которых уже обладали женственными формами и развитой грудью. Рори же по-прежнему оставалась тоненькой и легкой. Ее можно было принять за мальчика, если бы не поразительно красивые зеленые глаза и нежное лицо.

Имея троих взрослых братьев, Рори должна была бы привыкнуть ко всему, но на деле была более застенчивой и тихой, чем любая из знакомых Грэму девиц. Но только не в обществе своих братьев. Ими Рори смело командовала, с ними держалась уверенно и не чуралась проказ. Остальных членов клана предпочитала избегать и старалась держаться от них особняком.

— Это правда? Ну, то, что сказал Боуэн? — Теперь Рори была всего в нескольких футах от Грэма, стояла перед столом, на котором лежали его тяжелые кулаки. — Ты женишься на одной из Армстронгов?

Грэм внимательно посмотрел ей в лицо — не испугалась ли? Он сделает все, что угодно, лишь бы из-

бавить ее от страхов. Рори тяжелее всех переживала смерть отца — именно она была его любимицей. И она больше всех остальных считала Армстронгов чудовищами.

Однако на лице Рори читались лишь тревога и недоумение.

— Так распорядился король.

Сестра нахмурилась.

— Но зачем? Как он мог так поступить с нами?

— Не тебе обсуждать его повеления, — не слишком сурово отозвался Грэм. Разве можно упрекать ее за непочтительность к королю, если он и сам задает себе тот же вопрос.

— Они убили папу, — мрачно заявила Рори. — Разве может быть мир между нами? Как может король считать, что, заставив тебя жениться на одной из них, он что-то изменит?

— Ну, тихо, тихо, — мягко остановил ее Грэм. — Хватит, Рори. Нас призывают к Армстронгам, к ним мы и поедем.

На лице сестры тотчас отразился ужас.

— Поедем к ним? На их земли? Где они могут всех нас убить? Почему они сами не хотят к нам приехать? Почему только мы должны жертвовать всем? Что они сделали, чтобы заполучить расположение короля?

На губах Грэма промелькнула улыбка, его позабавило предположение сестры.

— Не думаю, что приказ отдать мне в жены свою дочь они расценивают как королевскую милость. Скорее всего, им это дело нравится не больше, чем нам.

— Говорят, она с приветом, — сообщила Рори.

Грэм вздохнул.

— Думаю, на свадьбе мы все узнаем, как же иначе?

В этот момент из коридора раздался зычный голос Тига.

— Грэм! Черт побери, где ты?

Грэм снова вздохнул. Рори быстро улыбнулась, и тут, в поту и запекшейся крови, в дверь ввалился Тиг.

— Скажи, что это вранье! — рявкнул он.

— Ты оставил тренировочный бой, чтобы узнать, правду ли сказал тебе Боуэн? — спросил Грэм. — Решил, что он может соврать и что следует бросить свои обязанности и кинуться ко мне, чтобы задавать свои вопросы?

Тиг нахмурился, начал что-то бормотать, но умолк, только сейчас заметив, что их слушает сестренка. Он закрыл рот и опустил взгляд на покрывавшие его одежду пятна крови.

Рори была не такая, как все, другая. Для большинства женщин их клана кровь, насилие, битвы были частью жизни. Как еда или сон. Но Рори такая чувствительная. Бледнеет от вида крови, ненавидит боль и насилие.

— Черт возьми, Грэм! Перестань хоть на минуту изображать из себя лэрда и объясни толком, правда это или нет, чтобы я ушел и не расстраивал Рори еще больше!

— Она уже и так расстроилась, — заметил Грэм. — Очевидно, по той же причине, из-за которой ты расшумелся в коридоре, выкрикивая мое имя.

Тиг молчал. Мышцы его напряглись, губы сжались.

— Значит, это правда, — наконец выдавил он.

— Да, правда.

Тиг хотел выругаться, но сдержался и выскочил из комнаты. Его тяжелые шаги загрохотали по коридору.

— Да, — выдохнула Рори, — хорошие дела творятся у нас.

Глава 2

Рев Тэвиса Армстронга заполнил всю крепость и вырвался во внутренний двор, где тренировались его люди. Многие выронили мечи, другие, наоборот, приготовились к обороне, решив, что подступает опасность.

Эвелин не услышала отца, но ощутила, как задрожали каменные плиты пола, и догадалась, что в главном зале что-то произошло. Слишком много шума и беготни. Казалось, по замку с грохотом пронеслось стадо баранов.

Лицо Эвелин оставалось спокойным, но все же она выглянула из-за угла и посмотрела в пролет лестницы, чтобы узнать, что вызвало такое волнение в замке.

Ее отец с перекошенным от ярости лицом крепко сжимал в руке смятое письмо. Рядом, сложив на груди руки, стояли два ее брата, Броуди и Эйден. Даже с этого расстояния Эвелин видела, что их обуревают такой же гнев.

Она перевела взгляд на человека перед лэрдом. Он выглядел так, словно хотел оказаться где угодно, только не здесь. Очевидно, именно он принес дурные вести в письме, которое держал в руках отец.

Эвелин стала рассматривать незнакомца. Ясно, что это человек короля. На его щите герб короля, а на правой руке рубиновое кольцо, указывающее на его статус королевского посланца.

Эвелин подосадовала, что из-за позы отца не может разглядеть его губ, зато ей было отлично видно лицо посланца. Когда он снова заговорил, Эвелин сосредоточилась, твердо решив выяснить, что же он скажет ее отцу.

— Да исполнится воля короля. Он постановил, что

свадьба должна состояться в течение двух недель. За это время вы успеете подготовиться. Свадьба состоится здесь. Король пришлет своего представителя, дабы проследить, что все совершилось должным образом.

Свадьба? Эвелин оживилась. Конечно, отец так рассердился не из-за свадьбы. И кстати, о чьей свадьбе речь? Король пришлет представителя? Все это так важно, так волнует! Она сможет увидеть новых, интересных людей.

В этот миг в зал влетела мать, которая, очевидно, подслушивала. Эвелин заморгала, пораженная ее дерзостью. Отец часто упрекал жену за то, что она вмешивается не в свое дело. Проку от этих упреков было мало, да и отец не мог по-настоящему долго сердиться на нее, но на сей раз все было иначе. Речь шла о посланце короля, и оскорбить его означало оскорбить короля.

— Тэвис! Ты не можешь этого допустить!

Эвелин едва сумела разобрать слова матери, когда они срывались с ее губ. Ее лицо было залито слезами. Неужели все из-за свадьбы? Эвелин нахмурилась. Какая-то бессмыслица!

Тэвис удержал жену за руку и повернулся так, что Эвелин смогла понять слова. Отец резко бросил ее брату Эйдену:

— Уведи отсюда свою мать.

Робина Армстронг отчаянно замотала головой, стараясь вырваться из рук сына.

— Это безумие! Не позволю бросить ее на съедение волкам! Так нельзя! Она не может исполнять супружеский долг. Это извращение, Тэвис! Ты не должен этого допустить!

У Эвелин мурашки побежали по спине. Она начала догадываться, что привело ее семью в такой ажиотаж.

Свадьба? Мать в слезах? Что означают эти слова: «не может исполнять супружеский долг», «бросить на съедение волкам»? Кто они, эти волки?

Посланец короля хмурился. Очевидно, его пугало враждебное окружение, в котором он вдруг оказался.

— Таков приказ короля. Грэм Монтгомери и Эвелин Армстронг поженятся.

Эвелин прикрыла рот рукой, несмотря на то что уже три года не произносила ни слова. Жест был инстинктивным, словно она пыталась сдержать беззвучный крик, рвавшийся из самой глубины души.

Не желая ничего больше видеть, она повернулась, подхватила юбки и бросилась прочь из замка к роще на берегу ручья, питавшего ближнее озеро.

Привычно выбрав огромный валун, нависающий над водой там, где пенный поток ускорял свой бег среди скал, Эвелин опустила на него. Ей казалось, что в голове возникают смутные воспоминания о шуме и грохоте ручья. Она так давно ничего не слышала, что звуковые образы уже начинали бледнеть и уходить из памяти. Эта потеря ее страшно печалила. Прежде она могла сидеть на своей скале и вспоминать журчание ручья и мир, который оно приносило в ее душу. Но со временем эти фантомные звуки испарились. Теперь Эвелин чувствовала, что все глубже погружается в беззвучную пустоту.

Подтянув колени, она положила на них руки, опустила подбородок и прикрыла глаза, но тут же распахнула — мир без звуков и зрительных образов был невыносим.

Замужество.

Именно помолвка привела ее к теперешнему состоянию, которое длится уже три года. Произошла беда,

но она спасла Эвелин от нежелательного брака, на котором настаивал ее отец.

Эвелин охватила паника. Как такое возможно? Разве она сможет покинуть свое убежище, где ее так любят и берегут? Здесь никто не думает о ней дурно — по крайней мере, никто не дерзнет сказать о ней что-то плохое. Отец проткнет мечом любого, кто посмеет обидеть его единственную дочь.

Однако Эвелин знала, о чем шепчутся у нее за спиной. Вернее, не за спиной, а прямо в глаза: «Полоумная. Тронутая. Сумасшедшая. Бедная девочка, никому-то она не нужна».

Эти люди ошибались, но Эвелин не пыталась их поправить. Это слишком опасно.

Она была помолвлена с Йеном Макхью. Отец Йена, вождь клана Макхью, очень стремился к этому браку, и отец Эвелин наконец согласился. Он всегда был осторожен с заключением новых союзов, однако Патрик Макхью принадлежал к тем немногим, кому отец доверял; пожалуй, их даже можно было назвать друзьями. Брак между единственной дочерью Тэвиса Армстронга и наследником Макхью казался самой естественной вещью на свете.

Однако Йен вовсе не был таким очаровательным молодым человеком, каким казался окружающим. Внешне он был безупречен. Истинное воплощение джентльмена, он сумел завоевать сердце ее матери и даже получить благословение братьев Эвелин, которые всегда были готовы встать на защиту сестры.

Но под благопристойной внешностью скрывался человек, который наводил на Эвелин безграничный ужас. Он пугал ее рассказами о том, каким, с его точки зрения, будет их брак, и смеялся, когда Эвелин обещала рассказать об этом отцу. Йен заявлял, что никто не

поверит ее обвинениям. Эвелин не могла такого представить, пока действительно не обратилась к отцу.

Тэвис был добр к ней, но приписал ее возражения девичьим страхам. Он обещал дочери, что все будет хорошо, а Йен станет ей отличным мужем, и добавил, что считает Йена честным и достойным человеком.

Хуже всего было то, что Йен открыто ухаживал за Эвелин на глазах ее семьи, часто приезжал к ним, всячески демонстрировал привязанность. Он безупречно играл свою роль. Весь клан готов был восхищаться им. И лишь оставаясь с ним наедине, Эвелин имела возможность заглянуть в его душу, полную зла.

Эвелин вздохнула и вновь опустила голову на руки. Ветер раздувал юбки. Тайны. Сколько тайн, сколько лжи!

Она очень любила ездить верхом, но прогулки в одиночестве ей не позволялись — никто никогда не забывал об угрозе, исходящей от Монтгомери. Отец даже думать не хотел о том, что произойдет, если его дочь попадет в руки смертельных врагов его клана.

Однажды утром Эвелин отправилась в конюшню, оседлала лошадь и тронулась в путь. Только это была не обычная прогулка, а побег. Дурацкое, поспешное решение, о котором она не переставала жалеть до сих пор.

Она и сейчас не знала, смогла ли бы его выполнить, но ей не хватило мужества выбраться за пределы земель Армстронгов. В конце концов, как может девушка выжить одна, без защиты семьи?

Этот шаг отчаяния обошелся ей дороже, чем она была в состоянии себе представить. Эвелин направила лошадь по знакомой дороге. Тропа бежала вдоль глубокого ущелья, образованного рекой, которая пробила

в скалах небольшой каньон. Вдруг лошадь споткнулась, Эвелин вылетела из седла и покатилась вниз.

Она плохо представляла, что было дальше. Помнила лишь страх и одиночество. Ужасно болела голова, и было холодно. Шло время, и холод становился все невыносимее.

Очнулась она у себя в комнате. В мире, где не существовало звуков. Эвелин не знала, как рассказать о своем недуге. Горло у нее распухло. Лихорадка не проходила много дней. Когда Эвелин пыталась заговорить, боль в горле становилась острее, а потому она предпочитала молчать и лишь удивлялась царившей вокруг тишине.

Позже она узнала, что две недели стояла на пороге смерти. Знахарка заметила, как распухла у больной шея, и высказала опасение, что лихорадка повредит разум несчастной.

Сначала Эвелин, пожалуй, верила ей. Потом было время, когда она считала, что глухота послана ей в наказание за неповиновение отцу. Эвелин долго не могла привыкнуть к своему состоянию и слишком стыдилась, чтобы рассказать о нем правду родителям. Они смотрели на нее с таким разочарованием, с такой опустошенностью, что, возможно, Эвелин решила бы объяснить им истинное положение дел, но тут в замок явились Макхью и потребовали сообщить им о здоровье Эвелин.

Не получив заверений, что Эвелин полностью исцелилась, Йен тут же разорвал помолвку. Можно ли было его за это винить? Даже отец Эвелин не мог упрекнуть мужчину, который отказывается брать в жены девушку, чьи умственные способности под вопросом.

Эвелин не желала признаваться, что перестала слышать. Она верила, что слух чудесным образом к ней